

Повх Юлия Александровна

ИДЕЯ ОБРЕЧЕННОСТИ В РОМАНЕ Д. ВЕРЕСОВА "ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ" КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО МИФА ПЕТЕРБУРГА

В статье исследуется многоаспектная идея обреченности в романе Д. Вересова "Третья тетрадь" как составная часть эсхатологического мифа Петербурга. Рассматривается поэтика воплощения в тексте психологического типа ожидания катастрофы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 126-129. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

“HIDDEN” MEANINGS IN LINGUISTICS**Ekaterina Igorevna Petrova**, Ph. D. in Linguistics*Department of German Linguistics
Pedagogical Institute of South Federal University
kate7878@bk.ru*

The notions of hidden grammar categories and hidden meanings are revealed in the article. The author pays the special attention to the history of the question and to the description of the study of hidden meaning from the point of traditional linguistics and hidden pragmalinguistics.

Key words and phrases: hidden category; hidden meaning; hidden pragmalinguistics.

УДК 82

В статье исследуется многоаспектная идея обреченности в романе Д. Вересова «Третья тетрадь» как составная часть эсхатологического мифа Петербурга. Рассматривается поэтика воплощения в тексте психологического типа ожидания катастрофы.

Ключевые слова и фразы: Д. Вересов; Петербург; эсхатологический миф; обреченность.

Юлия Александровна Повх*Кафедра русской литературы
Астраханский государственный университет
goddess.yulla@rambler.ru***ИДЕЯ ОБРЕЧЕННОСТИ В РОМАНЕ Д. ВЕРЕСОВА «ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ»
КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО МИФА ПЕТЕРБУРГА[©]**

Пожалуй, ни один город мира не породил о себе такого количества разнообразных мифов и легенд, как Петербург. С возведением Петербурга связано много легенд, которые во многом формировали атмосферу города, его изначальную семиотику, связанные с ним ожидания и предчувствия. Их непосредственное или опосредованное влияние не могло не сказаться на русской литературе. С одной стороны, Петербург, самый европейский город России, предстает в ней как наиболее рационализированный из всех российских городов, с другой же стороны, в нем много иррационального, проявившегося в изначальном противоречии замысла Петра и формы его осуществления, противоречии, многое определившем в русском Петербургском тексте.

Источник активного мифотворчества исследователи истории и культуры Петербурга видят в особой семиотике города. С точки зрения Ю. М. Лотмана, город, фактически лишенный истории, лишен, и тех семиотических резервов, которыми обладают города с укорененной во времени и культуре историей: «Отсутствие истории, вызвало бурный рост мифологии. Миф восполнял семиотическую пустоту, и ситуация искусственного города оказывалась исключительно мифогенной» [2, с. 32].

Одной из форм петербургского литературного мифа выступает эсхатологический миф. Различные варианты эсхатологического мифа так частотны именно в мифологии Петербурга потому, что, по мнению Ю. М. Лотмана, это эксцентрический город, расположенный «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки: «Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка - с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели <...>» [Там же, с. 36].

Мифология Петербурга продолжает развиваться и в современности. Мы обратимся к исследованию одного из воплощений эсхатологического мифа в романе Д. Вересова «Третья тетрадь» (2006-2007) - идее обреченности.

Согласно определению эсхатологических мифов, они «содержат пророчества о будущем конце света» [4, с. 670]. В эсхатологию при этом включается всё, что противоположно космогонии и связано с действием сил, несущих разрушение и гибель, независимо от прошедшего или будущего времени этих событий, их локального или глобального масштаба, включённости в цикл обновления мира, или носящих окончательный характер, как в христианской апокалиптике. Иными словами, понятие эсхатологии должно охватывать широкий круг явлений с общим смысловым ядром, которым становится их деструктивный характер.

В настоящей статье приведенное выше определение эсхатологии позволяет обрести единый угол зрения на все элементы поэтики текста, выражающие семантику обреченности, и увидеть в них сущность вересовского мироощущения в романе «Третья тетрадь».

Идея обреченности реализуется в романе на уровне семантического поля, представленного гипонимическим рядом: неизбежность, предопределенность, безысходность, безвыходность, безнадежность, пессимизм, подавленность, бессилие.

Лексема «обреченно» звучит уже в начале романа и относится к Миллионной улице, расположившейся параллельно Неве: «Ей, как всегда летом, было душно, она рвалась к воде, *обреченно* зная, что *все равно никогда не доберется* ни до Невы, ни до Мойки, и потому бережно тратила единственный глоточек влаги, доставшийся бедняжке у Лебяжьей канавки» [1, с. 13] (здесь и далее в цитатах выделено мной - Ю. П.).

Коль скоро мы коснулись водной стихии Петербурга, поясним связь петербургской воды (в широком смысле) с эсхатологией, отмеченную еще В. Н. Топоровым: «Эсхатологический миф Петербурга - о том, как космос растворяется в хаосе, одолевается им, и этот хаос - по преимуществу водный: то, что принадлежало «космическому», то, что по-своему организовывало городское пространство - и величественные и торжественные невские воды, и уютные, «домашние» маленькие речки «местного» значения, - по мере распада этого пространства, его хаотизации все более и более обнаруживают иное в себе, связанное с бездной, нижним миром, смертью» [3].

Приведенное наблюдение принципиально важно для понимания романа Д. Вересова, поскольку именно попытка главной героини Кати (впоследствии сменившей имя на «Аполлиария») утопиться в Неве становится отправной точкой полного преобразования героини. В этом эпизоде романа уже заложено главное противоречие описания элементов природы Петербурга, вытекающее из их полярности. В ответ на оскорбление своего знакомого Катя бросилась с парапета в Неву, «чтобы все забыть, все смыть»: «Вода поначалу принесла облегчение прохладой и свежестью. И еще странным ощущением чистоты: ведь она смывала всю двусмысленность, грязь, обиду <...>. Но это блаженство продолжалось, увы, не так долго, как хотелось бы. Спустя несколько секунд, впрочем показавшихся Кате не то мигом, не то, наоборот, вечностью, свежесть превратилась в душную, наваливавшуюся тяжесть, еще более обидную и неприятную, чем та, что толкнула ее в воду. Девушка в ужасе распахнула глаза, но вместо темной зелени воды увидела какие-то серебристые слои, складывающиеся в причудливые очертания. Они дробились, плыли, смыкались снова, пока, наконец, не сложились в какое-то странное подобие женского лица. Лицо будто надменно улыбалось и в то же время было печально до слез. Вдруг веки его тихо дрогнули, словно маня Катю за собой. И она, теряя волю, поняла, что это смерть» [1, с. 26].

Свежесть, прохлада, чистота воды уступают место духоте, тяжести и смерти. Элементы первого ряда означают для героини наступление эйфорического состояния, освобождение от бремени обиды (как правило, в Петербургском тексте - мгновенное, длящее совсем недолго, в отличие от депрессии) и означают переход к другому измерению времени, являясь знаком прорыва в космологическое. В то же время элементы второго ряда связаны с нижним миром, со смертью, означая отсутствие выхода, безверие, ориентацию на прошлое.

В момент нахождения в воде Катя погружается в прошлое: «На мгновение ей вдруг увиделся другой город, на другой реке, от воды которого пахло не острой свежестью, а почему-то затхлой рыбой и прогорклой мукой» [Там же]. Другой город, который был явлен Кате в ее видении, - это Нижний Новгород, где до конца 1850-х годов жила возлюбленная Ф. М. Достоевского Аполлиария Сулова. С образом этой женщины отныне фантастическим образом будет связана жизнь Кати, и отныне героиня, не в силах ни понять, ни объяснить множество мистических совпадений, обречена проживать не свою жизнь.

Таким образом, в одном происшествии соединились духовная слепота героини (неспособность понять друзей, их образ мыслей, влиться в их компанию) и космическое сверхвидение (лик смерти, видение Новгорода XIX века), то есть те полюса, которые определяют диапазон Петербургского текста, и характер основного конфликта, который послужил образцом для его перекодирования в культурно-историческом плане, поскольку петербургская мифология и эсхатология исходят из аналогичных начал. Попытка Кати утопиться приносит ей одновременно духовную смерть ее старой сущности и рождение новой (перемена имени и рода занятий). Тем не менее, эта двоякая ситуация проявляется в ее жизни в самых причудливых и неожиданных конфигурациях; возможность порвать с прошлым приходит к Кате вместе с обреченностью жить в качестве инкарнации Суловой и стать «вещью» для антиквара Даха, нужной ему только для поисков третьей тетради дневников возлюбленной Достоевского.

Как говорилось ранее, в понятие эсхатологии включается всё, что связано с действием разрушительных и губительных сил, независимо от прошедшего или будущего времени этих событий, их локального или глобального масштаба. Согласно В. Н. Топорову, «идея конца стала сутью города, вошла в его сознание. И это катастрофическое сознание, возможно, страшнее самой катастрофы. <...> Сознание конца, точнее, возможность его, <...> порождает психологический тип ожидания катастрофы. Такая настроенность на ожидание поддерживается практически ежегодными репетициями конца: за 290 лет существования города он пережил более 270 наводнений <...>» [3]. Герои романа Вересова испытывают панические атаки, приступы страха, подчас необъяснимые, иррациональные, но всегда связанные с переживанием именно петербургской беды, с нахождением в городе.

Проиллюстрируем сказанное примерами. Петербуржцы, по мнению Даниила, бессильны перед лицом города: «Данила долго бродил по улицам, опять-таки *подчиняясь* неистребимой потребности петербуржца *бесцельно* ходить по городу *в тщетной надежде* что-нибудь еще суметь изменить, но на каждом углу, за каждым поворотом он видел лишь *неизбежность* того, что *должно* теперь произойти» [1, с. 156]. Эта «бесцельность» хождения по городу является в романе результатом эволюции мотива жизни на краю, на пороге смерти, в безвыходных условиях, когда «дальше идти уже некуда». Первоначально этот мотив был связан с пространственным положением Петербурга («на краю» культурного пространства). Здесь воплощается формула горя-безнадежности, делается установка скорее на отрицательно-затрудняющее положение вещей, полную подчиненность человека обстоятельствам.

Кроме того, климатические условия Петербурга отрицательно сказываются не только на физическом состоянии людей, но и на состоянии духа. Осень в романе названа временем, когда Петербург «совсем исчезал из реальности». Подобное восприятие города главным героем Даниилом Дахом сопряжено с чувством обреченности: «Чувство какой-то *обреченности*, столь знакомое жителям Петербурга, в очередной раз навалилось на Данилу всей своей серой, тягучей массой. Снова эта бесконечная, беспросветная темнота, *избавиться* от которой *нет никакой возможности*, - можно только пережить. <...> Осень всегда подкрадывалась, как тать, как татарские полчища, страшные своей *неизбежностью*» [Там же, с. 44]. Петербургское лето тоже способно сыграть с петербуржцами злую шутку, дурманя мозг, затуманивая сознание: «Стоял характерный для города день: раскаленный, пыльный, зловонный, туманящий сознание. Именно в такие дни воспаляется мозг, и в нем зарождаются надуманные, но приобретающие огромную власть над душой мысли» [Там же, с. 184]. Даже весна, время нового рождения природы после холодной зимы, не вселяет в петербуржцев веру в позитивные перемены: «Вполне можно было представить, что еще не все потеряно и все возможно, - именно так и происходит каждую весну в этом городе, и жители в тысячный раз попадают на этот крючок» [Там же, с. 247]. Только зима в Петербурге - время относительного душевного покоя, но красота этого времени года связана со смертью: «неземная красота мертвых линий», «божественная гармония вечного покоя» [Там же, с. 44]. Таким образом, красота и покой открываются жителям города только в смерти. Природа враждебна человеку. Надежда на лучшее в Петербурге - не более чем иллюзия, ведь «большинство происходящих событий мало меняет человеческую жизнь. Особенно в Петербурге. Здесь любые события скорее кристаллизуются в символ, чем становятся знаками перемен» [Там же, с. 283]. Ключевая лексема здесь - «кристаллизуются»: события «застывают», «твердеют», очень быстро становятся достоянием прошлого, никак не влияя на будущее.

Петербург является в романе полноправным действующим лицом, огромным живым организмом: «А город бесновался вокруг них, втягивая в бездонные воронки совпадений и прапамяти, *заставляя* поверить во что угодно» [Там же, с. 266]. Здесь мы сталкиваемся с отголосками учения Ницше о вечном возврате: время в его бесконечном течении, в определенные периоды, должно с неизбежностью повторять одинаковое положение вещей. Ничто не исчезает; прошлое существует и продолжает приносить свои плоды. Все события, происходящие в романе с Даниилом и Катей (Апой), подтверждают эту теорию. В метафизическом смысле антиквар Даниил Дах ищет третью тетрадь дневников Суловой не по своей воле, а повинувшись возложенной на него миссии: раскрыть тайны прошлого, пролить свет на некоторые факты биографии Достоевского и Суловой. В этом смысле и Даниил, и Апа становятся заложниками прошлого. Примечательно, что Даниил осознает свое бессилие перед Петербургом и действие неких сил, которые удерживают человека, привязывают его к этому месту:

«- Однако же и местечко мы с вами выбрали для жизни.

- Еще неизвестно, кто кого выбирал, - угрюмо буркнул в ответ Данила» [Там же].

Как итог произошедших событий в эпилоге романа звучит мотив безысходности: «Все шло *по заведенному бесконечному кругу*. Петербург не выпускает своих жертв никогда. И уже совсем неважно, как он это делает, человеческими ли руками, собачьими лапами или просто дуновением легкого ветерка с Пуанта» [Там же, с. 285]. Приведенный фрагмент - явная реминисценция из стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека», основным мотивом которого является полная безысходность, замкнутость жизни в страшный круг. История Даниила и Апы лишь одна из многих в длинном ряду историй людей, обреченных на Петербург и его тайны.

Список литературы

1. Вересов Д. Третья тетрадь: роман-отражение. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2010. 315 с.
2. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского университета: труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 664. № 8. С. 30-45.
3. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: введение в тему [Электронный ресурс]. URL: philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm (дата обращения: 20.09.2010).
4. Эсхатологические мифы // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 670-671.

**DOOM IDEA IN D. VERESOV'S NOVEL "THE THIRD NOTEBOOK"
AS A COMPOUND PART OF ST. PETERSBURG ESCHATOLOGICAL MYTH**

Yuliya Aleksandrovna Povh

*Department of Russian Literature
Astrakhan State University
goddess.yulla@rambler.ru*

Multi-aspect doom idea in D. Veresov's novel "The third notebook" as a compound part of St. Petersburg eschatological myth is studied in the article. Poetics of personification of psychological type of waiting for a catastrophe in a text is considered.

Key words and phrases: D. Veresov; St. Petersburg; eschatological myth; doom.

УДК 82.081(8=6)

В статье анализируется семантика пространства кухни в мексикано-американской женской литературе. Автор статьи уделяет особое внимание неоднозначному отношению современных писательниц-чиканос к традиционному воспринимаемому как женское пространству кухни.

Ключевые слова и фразы: пространство; кухня; идентичность; традиция; патриархальная культура; гендер; женская литература; культурные ценности.

Елена Анатольевна Принеслик

*Забайкальский институт предпринимательства
Сибирский университет потребительской кооперации
prineslikelena@rambler.ru*

**ПРОСТРАНСТВО ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ: КУХНЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)©**

Событийное пространство современной женской прозы (барак, общежитие, коммунальная квартира, больница), выявляющее ее основную проблематику, так или иначе, восходит к архетипу Дома, «быть символом которого в истории и культурной традиции выпала роль женщине» [1, с. 120]. Центром же этого сакрального пространства всегда являлся очаг, место приготовления пищи, и поддержание огня в нем было условием выживания всех обитателей Дома. Место, где готовилась пища, кухня, также на протяжении веков воспринималось, как сугубо женская территория. Какое же значение имеет это пространство в современной женской литературе, изменилось ли оно в эпоху, когда активно переосмысливается роль самой женщины в сегодняшнем мире?

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на данный вопрос, проанализировав тексты, созданные мексикано-американскими (чиканос) писательницами, авторами, в чьих произведениях гендерная проблематика всегда тесно связана с вопросами этнокультурной идентификации героев и самих авторов. Особенность положения чиканос в американском обществе заключается в их принадлежности, по крайней мере, трем культурам - американской, мексиканской и индейской. Одновременно с этим, мексикано-американцы не могут полностью соотнести себя ни с «белой цивилизацией», ни с Третьим миром.

Несомненно одно, кухня всегда играла важнейшую роль в жизни мексиканской женщины. Яркое подтверждение тому - ставший бестселлером и успешно экранизированный роман Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» (1990), где период Мексиканской революции 1910-1917 годов, служит лишь фоном, на котором представлена судьба семьи. Все значимые события в жизни героев - будь то рождение или смерть, свадьба или разрыв отношений - оказываются неизменно связаны с определенным рецептом и способом его приготовления.

Существует, впрочем, и масса документальных свидетельств тому, какое значение пространство кухни и всего, что на ней готовится, имело в жизни мексиканских и мексикано-американских женщин. Так, в коллекции Хьюберга Х. Банкрофта, американского историка, предпринявшего в 1870 году попытку написания истории Калифорнии и Юго-запада США, основу которой составляют устные рассказы, присутствуют воспоминания Эулалии Перез (1877), Марии Иносенсии Пико (1878) и Аполонии Лорензаны (1878), подтверждающие, что поварское искусство всегда занимало важное место в культуре мексиканцев.